

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ДОРОГА...

Глава первая	11
Глава вторая	17
Глава третья	83
Глава четвертая	127
Глава пятая	148
Глава шестая	197

Часть вторая ...В ВИФЛЕЕМ

Путешествие	221
-------------------	-----

Часть третья. РОДИТЬСЯ...

Глава седьмая	341
Глава восьмая	407
Глава девятая	430
Глава десятая	441

Часть четвертая.

И СНОВА... БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Глава одиннадцатая	463
Глава двенадцатая	518
Глава тринадцатая	585

Моей матери и Ньямбуре

В память Нджинджи ва Тхионго,
скончавшегося 6 апреля 1974 года

Автор выражает признательность:

— Союзу советских писателей, который предоставил мне свой дом в Ялте для завершения работы над романом;

— д-ру Сэмюелю Кибичо, который открыл мне мир литературы, и в частности романа;

— Стивену Тхиро, без которого я, возможно, не стал бы писателем;

— а также многим другим, борющимся вместе с нами за свободу, знающим, что, какой бы длительной и тяжелой ни была эта борьба, победа будет за нами.

Страшные щупальца первобытного мира!
Змееподобны ветви мангровых деревьев,
отвратительны их шестипалые корни,
под которыми прячутся жаба цвета темного мха
и лилия с запахом ядовитым и кровавыми лепестками.
Путник, этим зрелищем завороженный,
погибнет, сбившись с дороги.

Дерек Уолкотт. Болото

Часть первая
ДОРОГА...

Я взглянул, и вот — конь белый, и на нем
всадник, имеющий лук, и дан был ему венец;
и вышел он как победоносный, и чтобы победить...
И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем
дано взять мир с земли, и чтобы убивали
друг друга; и дан ему большой меч...
Я взглянул, и вот — конь вороной, и на нем
всадник, имеющий меру в руке своей...
И я взглянул, и вот — конь бледный, и на нем
всадник, которому имя «смерть»... и дана
ему власть над четвертою частью земли —
умерщвлять мечом, и голодом, и мором,
и зверями земными.

Откровение 6:2—8

Он презирал жестокость королей.
Но из его милосердия выросла лютая гибель,
и дрожащие монархи приходят опять,
с ними их обычная свита: сборщик податей,
поп, палач, тюремщик, вельможа, законник,
солдат и шпион.

Уолт Уитмен¹

¹ Перевод К. Чуковского.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Пришли за ним в воскресенье. Он только что возвратился домой после ночного бдения на горе. Прилег отдохнуть, раскрыл Библию на Книге Откровения. В дверь постучали. Вошли двое полицейских — один высокий, другой коротышка.

— Господин Мунира? — спросил коротышка. Над его левой бровью красовался звездообразный шрам.

— Да.

— Вы преподаете в начальной школе Нью-Ил-морога?

— У вас есть какие-то сомнения на этот счет?

— Нет, конечно нет. Но ведь нужно все проверить. Убийство есть убийство.

— Что вы имеете в виду?

— Вам надлежит явиться в полицию.

— По поводу?..

— Убийства, чего же еще? Убийства в Нью-Ил-мороге.

Высокий, до сих пор молчавший, поспешно добавил:

— Ничего особенного, господин Мунира. Просто снимут свидетельские показания.

— Можете не объяснять. Я понимаю — вы только выполняете свой долг. Разрешите мне одеться.

Они переглянулись, удивленные его спокойствием. Вскоре он вернулся с Библией в руках.

— Вы никогда не расстаетесь с Библией, господин Мунира, — с удивлением сказал коротышка: эта книга вызывала в нем почтительный страх.

— В эти дни, что еще отделяют нас от второго пришествия, мы каждую минуту должны быть готовы сеять семена веры. А здесь, — Мунира показал на Библию, — предсказано все: раздоры, убийства, войны, кровь.

— Вы давно в Илморге? — спросил высокий, чтобы прекратить разговор о конце света и втором пришествии. Он исправно ходил в церковь, и слова Муниры его рассердили.

— Что, допрос уже начался?

— Нет-нет. Это не для протокола, господин Мунира. Просто любопытство. Мы ничего против вас не имеем.

— Двенадцать лет, — ответил он.

— Двенадцать лет! — изумились полицейские.

— Двенадцать лет в этой пустыне.

— Значит, вы приехали, когда Нового Илмороба еще не было...

2

Абдулла сидел на стуле у входа в свое жилище в той части Илмороба, которая называлась Новый Иерусалим. Его левая рука была забинтована. В больнице его продержали недолго. Намучившись ночью, он испытывал сейчас странное спокойствие. Правда, он и здесь, дома, старался понять, что же все-таки

произошло, но тщетно. Может быть, поймет в дальнейшем, но сумеет ли он когда-нибудь объяснить, как осуществилось то, что было всего лишь желанием, намерением? И действительно ли он этого хотел? Он поднял голову: перед ним стоял полицейский.

— Абдулла?

— Он самый.

— Вам надлежит явиться в полицию.

— Сейчас?

— Да.

— Надолго?

— Не знаю. Вы должны дать показания, ответить на кое-какие вопросы.

— Ладно. Только отнесу домой стул.

Однако в участке его заперли в камеру. Абдулла стал возмущаться. Полицейский ударил его по лицу.

— Когда-нибудь наступит день... — пытался сказать Абдулла, ощущая внезапный прилив старого гнева и новой горечи.

3

В больницу, куда поместили Ванджу, пришел полицейский инспектор.

— Боюсь, вам нельзя ее видеть сейчас, — сказал врач. — Она не в состоянии отвечать на вопросы. Она еще в беспамятстве и все время кричит: «Пожар... пожар... сестра матери моей... тетушка моя дорогая... погасите огонь, погасите!..» Ну и прочее — в таком же роде.

— Записывайте ее слова. Это может дать нам ключ, если только...

— Я не назвал бы ее состояние критическим. У нее сильный шок и бред. Дней через десять...

Кареге заснул быстро. Он поздно вернулся с заседания профсоюзного комитета пивоваренного завода «Илморогская Тенгета». В дверь постучали, он вскочил с постели. У двери стоял наряд вооруженной полиции. Офицер в форме цвета хаки вышел вперед.

— В чем дело?

— Вам надлежит явиться в полицию.

— Зачем?

— Для снятия свидетельских показаний.

— Нельзя ли подождать до завтра?

— Боюсь, что нет.

— Дайте мне переодеться.

Он вернулся в комнату и оделся. Прикинул, как дать знать остальным. Он слышал шестичасовой выпуск последних известий и знал, что забастовку запретили. Все же он надеялся, что, несмотря на его арест, забастовка будет продолжаться.

Его втолкнули в «Лендровер» и увезли.

Акиньи, собираясь к заутрене в илморогскую церковь, случайно бросила в эту минуту взгляд на дом Кареги. Она делала это всегда чисто автоматически и не раз уже обещала себе отказаться от этой привычки. Она заметила отъезжающий «Лендровер», подбежала к дому — раньше она никогда там не бывала — и увидела на двери висячий замок.

Через несколько часов новость стала известна всем. Разгневанные рабочие собрались у полицейского участка и потребовали освободить Карегу. Начальник полиции обратился к ним с умиротворяющей речью, что бывало весьма редко.

— Я прошу вас мирно разойтись. Карега задержан, чтобы дать кое-какие показания. Это никак не связано с вашим вчерашним решением о забастовке. Речь идет об убийстве, совершенном в Илмороге.

— Это вы убиваете рабочих! — выкрикнул кто-то.

— Вы убиваете наше рабочее дело!..

— Да здравствует борьба рабочих!..

— Разойдитесь, пожалуйста, разойдитесь! — отчаянно взывал к толпе полицейский.

— Это вы убирайтесь! Вы и тираны из иностранных фирм, вместе с их местными подпевалами!..

— Долой господство иностранцев, опирающихся на черных компрадоров!.. Долой эксплуататоров!

Настроение разгневанной толпы становилось угрожающим. Начальник полиции вызвал своих помощников. Они позвали на помощь других — вооруженных винтовками — и оттеснили толпу к центру Илморога. Несколько рабочих получили серьезные ранения и были доставлены в больницу.

Рабочие начинали осознавать свою силу. Такого открытого неповиновения властям никогда раньше в Илмороге не наблюдалось.

5

Одна из газет — «Дейли маутпис» — подготовила специальный выпуск с аршинным заголовком: «МЗИГО, ЧУИ И КИМЕРИЯ УБИТЫ».

Дальше следовал текст:

«Некто (полагают, профсоюзный агитатор) был задержан после того, как видный промышленник

и два деятеля просвещения — члены правления знаменитой компании «Тенгета лимитед» — погибли прошлой ночью во время пожара в Илморого, через несколько часов после принятия решения о замораживании заработной платы.

Полагают, что их заманили в какой-то дом, где они пали жертвой наемных убийц.

Все трое — невосполнимая потеря для Илморого. Они превратили Илморог из крохотной деревушки, вызывавшей в памяти времена Крапфа и Ребмана, в современный промышленный город, которым смогут гордиться поколения, появившиеся на свет после Гагарина и Армстронга... Кимерия и Чуи были видными деятелями и отцами-основателями КОК — Культурной организации клятвоприношений...»

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Но все это случилось через двенадцать лет после того, как Годфри Мунира, поднимая за собой легкое облачко пыли, впервые проехал через Ил-морог на «железном коне» прямо к двери поросшего мхом двухкомнатного домика, находившегося там, где некогда был школьный двор. Он слез на землю и стоял неподвижно, подбоченившись правой рукой, а левой придерживая велосипед, и его воспаленные, с красноватыми прожилками глаза уставились на серый сухой лишайник, покрывавший стену, когда-то покрашенную белой краской. Затем он неторопливо прислонил велосипед к стене, наклонился, расправил закатанные брюки, отряхнул их обеими руками — жест чисто символический, поскольку пыль накрепко въелась и в брюки, и в башмаки, — отступил шага на два, чтобы окинуть взглядом дверь, покосившиеся стены и покоробившуюся от жары жестяную крышу. Вдруг он решительно подошел к двери и взялся за ручку, слегка надавив на дверь правым плечом. Дверь с грохотом открылась, и он ввалился в помещение, полное дохлых пауков и мушиных

трупов, запутавшихся в паутине, которая покрывала стены до самых карнизов.

«Еще один появился в деревню», — пробежала весть по Илморугу. Дети шпионили за ним, за его отчаянными усилиями вычистить домик, привести его в порядок, и сообщали о каждом его шаге старикам и старухам. «И этот исчезнет, как исчезает ветер, — говорили старики, — разве до него не приходили другие? Кто захочет жить в таком захолустье, кроме разве что калеки (да проглотит дьявол Абдуллу!) или человека с иссохшей плотью (да благословит Господь старуху Някинью!)».

Школа представляла собой четырехкомнатный барак с проломленными глиняными стенами, дырявой жестяной крышей и еще большим, чем в домике учителя, количеством паутины и мушиных трупов. Стоило ли удивляться, что учителя удирают, едва взглянув на эту школу? Да к тому же ученики, большей частью дети скотоводов, никогда не могли дотянуть до конца учебного года и уходили с родителями на поиски новых пастбищ и воды для скота.

Но Мунира остался, и через месяц все мы перешептывались: «Совсем не старый, уж не тронутый ли он? А может, он носитель зла?» Эта мысль у нас возникла, когда он стал давать уроки под кустом акации, неподалеку от того места, где, по слухам, находилась могила легендарного Ндеми, дух которого витал над Илморогом, пока не пришли империалисты и не спутали весь порядок жизни. «Учитель насмехается над Ндеми», — сказал Мвати Ва Муго, который правил в горах и на равнине, и приказал припугнуть его. Ночью, под покровом темноты, одна старуха навалила кучу между кустом акации и школой. Утром

дети обнаружили еще не засохшую кучу и побежали к родителям, чтобы рассказать нечто очень смешное о новом учителе. Целую неделю Мунира гонял своего «железного коня» по горам и равнинам, преследуя разбежавшихся учеников. Одного ему удалось поймать. Он соскочил с велосипеда, бросил его в траву и погнался за мальчишкой.

— Как тебя зовут? — спросил он, схватив беглеца за плечо.

— Муриуки.

— Чей ты сын?

— Вамбуи.

— Это твоя мать?

— Да.

— А где твой отец?

— Он работает далеко отсюда.

— Скажи, почему ты не хочешь учиться?

Мальчик чертил что-то на земле большим пальцем ноги, отвернувшись, чтобы не прыснуть учителю в лицо.

— Откуда я знаю, — выдавил он из себя, притворяясь, что вот-вот заплачет. Мунира отпустил его, взяв обещание вернуться в школу и привести с собой остальных. Вернулись они с опаской — по-прежнему считали, что учитель какой-то странный, — и занимались на сей раз в помещении.

Она ждала Муниру за живой изгородью из кустов кейских яблонь. Он слез с велосипеда и поосторонился, полагая, что она просто хочет пройти мимо. Но она по-прежнему стояла посередине узкой тропы, опираясь на суковатую палку.

— Там, откуда ты пришел, мощеные дороги?

— Да.